

**СЕРГЕЙ
КРАСНОБОРОД**

**ЭТЮДЫ
ЭСКИЗЫ
РЕФЛЕКСИИ**

Сергей Краснобород

Этюды. Эскизы. Рефлексии. Стихи

«Издательские решения»

Краснобород С.

Этюды. Эскизы. Рефлексии. Стихи / С. Краснобород —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505661-0

Собранные в книге стихи были написаны в Гомеле в 1990-х годах. Сосредоточение над преднамеренно отстраненными текстами помогало тогда автору не участвовать в окружающей всеобщей истерии. Нравнодушие, вера, растерянность, страх перед будущим старательно укрываются в стихах под маской иронии, словесного фиглярства, спонтанно рожденного нагромождения культурных штампов.

ISBN 978-5-00-505661-0

© Краснобород С.
© Издательские решения

Содержание

ЭТЮДЫ ЛИ, ЭСКИЗЫ ЛИ, РЕФЛЕКСИИ ЛИ?	6
АВТОРСКОЕ ОПРАВДАНИЕ	7
ПРОЛОГ	9
1. ЭТЮДЫ	11
ЭТЮД ПРО ДОЖДЬ В ГОРОДЕ	12
ЭТЮД ПРО НОЧЬ ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ	13
ЭТЮД О ВАКХЕ	14
ЭТЮД ПРО БЕГЕМОТА	15
ЭТЮД О СМЕРТИ НА ЗАКАТЕ	16
ЭТЮД ПРО ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ	17
ЭТЮД СЕКСУАЛЬНЫЙ	18
ЭТЮД О ПОСЕЩЕНИИ А.И.СОЛЖЕНИЦЫНЫМ ПАРИЖА	19
ЭТЮД ПРО Д. Р.	20
ЭТЮД ЦИРКОВОЙ	21
ЭТЮД ТЕАТРАЛЬНЫЙ	22
ЭТЮД О ПРИНЦАХ	23
ЭТЮД ПРО КВ. №44 В ДОМЕ №5	24
ЭТЮД ПРО ВИЯ	25
ЭТЮД МАГИЧЕСКИЙ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

ЭТЮДЫ. ЭСКИЗЫ. РЕФЛЕКСИИ СТИХИ

Сергей Краснобород

Иллюстратор Сергей Тихов

© Сергей Краснобород, 2019

© Сергей Тихов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-5661-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЭТЮДЫ ЛИ, ЭСКИЗЫ ЛИ, РЕФЛЕКСИИ ЛИ?

*Нам не понять его, увы,
младым и буйным львам.
А он спокойно смотрит ввысь
и тербит слова.*

С. Краснобород

Неприхотливых правил тонкий смысл (товарищам мазут не нужен) внутри себя отыскивал создатель – и в старом городе, и в карете «скорой помощи», и в плену танцевальных оргий. Его консультировал в морге старый смотритель зевак и бегемот, застывший в нищете. На шкуре, мхом покрытой и гнилой, за номером сто восемьдесят пять двадцать шесть пятнадцать, был страшен выходной – день, отданный себе. И он снова щупал жизнь, как мудрый краб. Искал, где мель, где глубь, пока эквилибристы ели сало.

И, наконец, здесь, где пыльный воздух, все заполнил собою, он стал мистик для своих. И стал страшен на вид для вас, не склонных умирать. Смерть – тень, изнанка, оборот медали. И появилась искренность (за толику малую), анекдоты и песни на публику. И крышка гроба – словно сцена для ужина. Сладкая еда умирающих.

Мне не жалко: воздух вещь шальная. В катакомбах города – потоп. Потому и стих, как новая заплатка на рубахе дня, красив. И еще – несоизмеримые величины: высказать или забыть? И точно знать, чем это отразится на качестве построенной фразы – благоговейно, без цинизма. Чтобы потом записать в Анналы: «Суть поступка была сокрыта звуковой каймой». Вот только слова надменны, как путаны, попавшие случайно в хлев. И стихи – такая проза, как говорит Краснобород. А проза-жизнь читает прозу-смерть...

И пусть излечит лесть, пусть измучит словоблудье. Сестра-судьба на новый ритм собьет... Суровый век дарует лабиринты для тяжелого пути в отечественной бойне. Но не обесчудь, человеке, что жизнь получилась такой.

Он же знает, что творит. Хотя не очень ясно, для чего все это? Как и неясно, что здесь продавать? Поэтому копь суждено – тебе, а нет – уволь...

*Николай Богданов – «Классик»
литератор, журналист*

АВТОРСКОЕ ОПРАВДАНИЕ

Собранные в этой книге стихи были написаны в Гомеле в первой половине 1990-х годов. Тогда буквально на глазах разваливалась империя под названием «Союз Советских Социалистических Республик». Девальвировались жизненные ценности. Рушились устойчивые экономические и общественные связи. Политики, разделившись на реформаторов и консерваторов, дрались за кормушку власти. Предприимчивые пройдохи под шумок прибирали к рукам «золото партии», чтобы потом быстренько свалить с ним «за бугор». Меркантильные крючкотворцы превращали государственные предприятия в частные. Бандиты, постреливая из украденных в армии «калашей», в открытую собирали дань с энергичных кооператоров. Народ, потерявший всякую ориентацию от хлынувшей с телеэкранов грязи, перед пустыми прилавками путал купюры обесцененных денег с бумажками ваучеров и талонов на сахар. Так было в столицах. Так было в провинции. Потом это десятилетие окрестили «лихими девяностыми».

Многим ли из «нашего» поколения – тех, кому было тогда 25—30 – удалось «проскочить» девяностые без ощутимых потерь?

Привычка почти ежедневно доверять бумаге свои размышления над тем, что так или иначе привлекло внимание, и породила представленные «мимолетные» рифмованные «опусы». Здесь кроется и объяснение их формальной «незавершенности». Сосредоточение над преднамеренно отстраненными текстами помогало тогда не участвовать в окружающей всеобщей истерии. Неравнодушие, вера, растерянность, страх перед будущим старательно укрывались под маской иронии, словесного фиглярства, спонтанно рожденного нагромождения поликультурных штампов.

Мысль «откопать» представленные здесь стихи и собрать вместе возникла после прочтения «Перед восходом солнца» Михаила Зощенко – книги, за которую официозные функционеры от литературы подвергли писателя ostracismу в конце 1940-х годов. Зощенко пытался разобраться, откуда у него – лично! – возникает вдруг время от времени в душе непереносимая «трансцендентальная» тоска, доходящая до буквально физической боли. Пытался разобраться честно, искренне и открыто. Конечно, не обошлось без влияния теоретических разработок дедушки Фрейда.

Вторым «вдохновителем» стал Эмиль Чоран, французский философ-экзистенциалист румынского происхождения. Его книгу подарил мне Афоня – Сергей Афанасьев, гомельский поэт, музыкант, инженер-конструктор, с которым мы также кое-как «коротали» те «лихие девяностые». В отличие от Зощенко Чоран открыто и уверенно признавал за собой право «выставлять душу на показ». Хотя бы потому, что, по его мнению, намеки на «трансцендентальную» тоску испытывал, кажется, каждый, кто хоть однажды честно заглядывал «внутрь себя». Отдельный вопрос – кто еще сохранил подобную способность и возможность в сегодняшнем прагматичном информационном бедламе?!

Мои «Этюды» совсем не претендуют на столь значимую аллюзию, но все-таки – как говорят в Одессе!

Спасибо Классику – Николаю Богданову за уникальное постмодернистское предисловие. (Сам он, попыхивая сигаретой и пряча за дымными стеклами очков взгляд пронзительно голубых глаз, иронично продолжает утверждать, что даже не знает точного значения этого словечка – «постмодернизм»).

Спасибо Сергею Тихову, Мастеру и Мистику, который любезно согласился оформить книгу своими изысканными рисунками.

Спасибо Оле, моей жене, за то, что терпеливо была рядом – и когда эти стихи появлялись, и когда они собрались вместе в представленной этой книжке.

Сергей Краснобород

ПРОЛОГ

Мне писать за «бабки»
как-то в лом.
Баба ходит в тапках,
а мужик с веслом.

Я хожу с блокнотиком.
Время входит в раж.
Повод – периодика.
А стихи – кураж!

1. ЭТЮДЫ

В карете «скорой помощи»
по городу я мчал.
Я ел сырые овощи
и выцвела моча.

Мне врач микстуру выписал,
в карете покатал.
И чтоб я снова цветом ссал,
таблетками пытал.

Пытай! Не допытаешься,
очкастый альбинос!
Ты хорошо питаешься,
а у меня понос.

ЭТЮД ПРО ДОЖДЬ В ГОРОДЕ

В старом городе шум дождя —
словно топот копыт в поле.
Словно камни забыть хотят
маету многолетней боли.

Словно память подвластна слезам.
Время гонит свою колесницу.
Снова в городе пляшет гроза
и на древних камнях веселится.

ЭТЮД ПРО НОЧЬ ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

...Товарищам мазут не нужен?!
Бессонна ночь в заботах о...
Замерз червонец в желтой луже.
Крадется ветер под пальто.

Опять мороз по коже улиц
гоняет кошек и бомжей.
Любовным чтивом обманулись
домохозяйюшки уже.

Чернильным страхом осьминога
фантазию оргазм настиг.
У ночи так мазута много —
на мысль, на след, на ритм, на стих.

ЭТЮД О ВАКХЕ

В плену танцевальных оргий
мечтал о бессмертии Вакх.
Его консультировал в морге
старший смотритель зевак.

Выстроившись, претенденты
там распевали псалмы
о целях и видах аренды
жизни, тюрьмы, сумы.

Вакх, пируэтом взбешенный,
требовал нимб и вина.
В морге народ искушенный
все ему выдал сполна.

Бог его принял, как брата,
и в Пантеон снарядил,
чтоб не родился обратно
идол пьянчуг и кутил.

ЭТЮД ПРО БЕГЕМОТА

Я – бегемот, застывший в нищете
болотной топи, мутных вод и грязи.
Здесь тешатся выюны касаньем тел.
Здесь хвастают хвощи изыском вязи.

На шкуре, мхом покрытой и гнилой,
сидит пичуга и клюет мне спину,
чтоб отыскать жучков, сбивая твердый слой
земли, травы и высушенной тины.

Стопы мои навечно приросли
к осклизлой липкой черной донной каше.
Мучительная лень бездействия не злит.
И жаба у ноздрей не будоражит даже.

Истома, растворенная в воде —
как кульминация идеи созерцания.
Я – бегемот (кто я?) в болоте (где?),
медитативный свет узревший (иль мерцание?).

ЭТЮД О СМЕРТИ НА ЗАКАТЕ

Обладатель водительского удостоверения
за номером
сто восемьдесят пять двадцать шесть пятнадцать
движется в сторону заката
с ускорением, которого достаточно,
чтобы взорваться
на изысканном мустанге марки «Рено»
от перегрева двигателя,
от перегрузки на ось.
И все, вроде бы, понятно,
но
остаются неразрешимыми некоторые вопросы.
К чему такая спешка?!
И что за изыск погибать на фоне заката?!
Неужели за водителем была установлена слежка.
И именно в этот момент его ждет
заслуженная расплата —
за обладание уникальным удостоверением
под кодовым номером,
который был проигран в кегельбане смертников...
И горящее колесо заката покатилося по миру,
будто подыскивая себе
для развлечения соперников.

ЭТЮД ПРО ВЫХОДНОЙ ДЕНЬ

Завязанный в узлы системных обязательств,
был скучен выходной – день, отданный себе.
Они скрывались в нем от посягательств
тоски безмерной по другой судьбе.

Воскресной маетой они душили трусость
признания себе в душевной пустоте.
О, как желанна будней суетная узость!
И как страшна свобода форм, идей и тем!

Традиция, канон провинциальных снобов,
к ним мерно снизошла усладой кандалов.
И этот ровный путь – без выходных! до гроба!
в системе! – стал им лучшим из даров.

ЭТЮД СЕКСУАЛЬНЫЙ

Развратна плоть, взыскующая страсти
в присутствии способных наблюдать...
На столике в кафе облезлый пластик
два кофе на себе оставил остывать,

пока две пары рук невидимо ласкали
плоть, возбужденную внезапно и светло...
Он не любил ее. Она его? Едва ли!
Но так приятен секс в кафе и под столом.

Здесь посетители случайны, молчаливы
осенним утром, постным от дождя...
Им после ночи так хотелось быть счастливыми —
не думая, не глядя, не щадя.

ЭТЮД О ПОСЕЩЕНИИ А.И.СОЛЖЕНИЦЫНЫМ ПАРИЖА

В Париже принимали без затей:
сивухи литров десять, лук, селедка.
У журналистов не хватало тем
для обсужденья с русским самородком.

Такая глыбища! Умище-то! Каков?!
Умрите, интеллектуалов сплетни!
Так повелось, что испокон веков
за Русью слово было первым... Иль последним...

Вначале было Слово, ритм, типаж.
Энергия блуждала по Вселенной,
чтобы оформиться в поступок жизни наш...
И сделать жизнь ненужной и мгновенной!

Не это ли постиг любитель огурцов
под водочку в мороз по полстакана?!
В Париже он сказал свое словцо —
и ухмыльнулся, уходя с телеэкрана.

ЭТЮД ПРО Д. Р.

Он щупал жизнь, как мудрый краб.
Он знал, где мель, где глубь.
Ему б покой любить пора,
как вешалке в углу.

Но, старый конь, он в борозде
свою планиду читил
и сам томился по узде,
чтоб жить – то есть везти...

Нам не понять его, увы,
младым и буйным львам.
А он спокойно смотрит ввысь
и тербит слова...

ЭТЮД ЦИРКОВОЙ

Упрямый акробат трапецию ласкал,
пока эквилибристы ели сало.
У бегемота дрессировщик проверял оскал.
Толпа жонглеров мячики бросала.

Мечтал факир, к качелям прислонясь.
Наездники затачивали шпоры.
Конферансье, узнав, что клоун – бывший князь,
в примерке примерял его уборы.

Во сне тела гимнастов заплелись.
Ушли колготки танцовщицы штопать.
И снова оркестранты напились...
Все это «сэ ля ви». Прошу любить и хлопать!

ЭТЮД ТЕАТРАЛЬНЫЙ

Смущенный люд играл чужие роли
в постылой пьесе потных мудрецов.
Суфлеры мямлили привычные пароли,
в кулисы пряча тело и лицо.

Пил режиссер денатурат в партере,
угодливо смакуя взоры лож.
Зал замирал, хоть был давно потерян
смысл действия, в котором правит ложь.

Но верх изыска – вот павлиний пафос! —
актерам было странно изрыгать
в рекламных целях... Старая забава:
жить, не играя – нехотя, играть.

Лишь после, после, сбросив грим надежды
в уютном доме из шести досок,
актеры утомленно прикрывали вежды,
припоминая роль еще разок.

ЭТЮД О ПРИНЦАХ

Сколько страшных докучливых зим
предстояло прожить нищим принцам.
Скачут цены на хлеб и бензин.
Злоба людям уродует лица.

Рай в утробе – привычный сюжет.
Но фантастика мозг соскребает
с полушарий в пустой госбюджет,
отсылая народ за грибами.

И в лесах ты один на один
не останешься с елкой и с грибом.
Друг от друга мы скрыться хотим
в чаще леса, где сосны со скрипом

просят их не тревожить покой
рок-н-роллом, «вентурой» и СПИДом.
Нищим принцам случайной строкой
не поставить весь мир этот дыбом.

Только там, у себя в закромах,
среди книжных доступных красавиц,
их безумно пьянит аромат
эликсира с названием «Зависть».

Пусть забудутся бранные дни.
У ограды кладбищенской тихо...
Принцы жалки... Противны они
тем, кто сам шит для жизни не лыком.

ЭТЮД ПРО КВ. №44 В ДОМЕ №5

Я выпил здесь не худших дней нектар.
Здесь пыльный воздух весь заполнен мною.
Наверное, отец так иногда
грустил на лавке, прислонясь спиной

к родному дому... Там теперь пустырь.
Активный стронций там теперь хозяин.
А здесь – крупнопанельный монастырь
цивилизации с окошками-глазами...

Окно снаружи – глаз, но изнутри – экран.
И книги – цитаделью вдоль дивана,
хранители имен, событий, стран,
как атрибут земли обетованной,

где яд не худших дней я пил светло и долго.
Но оседает пыль на нежилую твердь...
Мне грустно здесь бывать – как будто в странном морге,
где время в протокол свою заносит смерть.

ЭТЮД ПРО ВИЯ

Малыш, не бойся! Я ж почти слепой.
Тяжелых век мне ноша не под силу.
Конечно, я бы мог тебя с собой
стащить в пустую мрачную могилу.

Но вурдалачья служба надоела.
Насильно вербовать мне не с руки.
Хоть соблазнительно тебе на теле белом
оставить от зубов полукруги.

Тогда мы станем братьями по вере...
Но я сомненьями изъеден изнутри:
ведь мы живем в единой ноосфере.
По-моему, тут нечего мудрить.

Захочешь, объясню прерогативы наши.
Ты – человек. Ты волен выбирать.
Я ж – мистик для своих, хоть страшен
на вид для вас, не склонных умирать.

Смерть – тень, изнанка, оборот медали.
Мы – листья на одной ветвящейся лозе.
Мы все одной конструкции детали.
Мы путники бессмертья на одном шоссе.

Малыш, ты испугался мшистой кожи
и фиолетового отблеска ногтей?!
Ну что ж, беги... Прощай... Хотя, быть может,
мы встретимся еще. Только зачем? И где?

ЭТЮД МАГИЧЕСКИЙ

На паучьих ногах
по воде и песку
пробирается маг
и хранитель искусств.

Он посланник Луны.
Его сердце – кристалл.
Ему души нужны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.